

Бурцева Жанна Валерьевна

МОДИФИКАЦИИ ЖАНРОВОЙ ФОРМЫ ПРИТЧИ В ЯКУТСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ

В статье рассматривается проблема жанровых модификаций в современной прозе, индивидуально-авторский подход в создании неканонических жанровых форм. Анализируется притчевое начало в двух повестях якутских русскоязычных авторов, в которых главным в процессе жанрообразования является гибридизация традиционного жанра, контаминация разнообразных жанровых элементов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. III. С. 35-37. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-1/-9

Филологические науки

В статье рассматривается проблема жанровых модификаций в современной прозе, индивидуально-авторский подход в создании неканонических жанровых форм. Анализируется притчевое начало в двух повестях якутских русскоязычных авторов, в которых главным в процессе жанрообразования является гибридизация традиционного жанра, контаминация разнообразных жанровых элементов.

Ключевые слова и фразы: жанровые формы; жанровые контаминации; жанровые модификации; жанровые гибридизации; притча; форма и содержание художественного произведения.

Бурцева Жанна Валерьевна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

gvburtseva@mail.ru

МОДИФИКАЦИИ ЖАНРОВОЙ ФОРМЫ ПРИТЧИ В ЯКУТСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ[©]

Современная литературная теория может выделять безграничное число всевозможных жанров, находящихся в постоянном взаимодействии, которое происходит и в форме проникновения элементов одних жанров в другие. Часто новые жанровые формы возникают на основе модификации традиционных, эволюции так называемого архаичного жанра как динамики его гибридизации с другими жанрами. В этом случае одни черты исходных жанров сохраняются, что дает основание авторам сохранить их названия в качестве жанрового определения, другие – видоизменяются, что позволяет говорить о новых жанровых модификациях. Так, в современной русскоязычной прозе Якутии мы тоже наблюдаем процесс активизации вариативных жанровых форм.

Ариадна Борисова – автор многих рассказов, повестей, нескольких романов, в том числе произведения писательницы отмечены престижными литературными премиями. Творчество Ариадны Борисовой как раз представляет большой интерес в плане комплексного исследования художественных принципов поэтики в контексте реализации жанровых подходов, процессов контаминации разнообразных жанровых элементов и межжанрового взаимодействия. В ее творчестве мы можем отметить экспериментирование со многими элементами формы и содержания художественного произведения.

В процессе жанрообразования важную роль играет индивидуально-авторский подход, желание писателя найти способ отражения видения мира в неканонических жанровых формах. Ярким примером переосмысления традиционного жанра является повесть «Притча о семи» Ариадны Борисовой [1]. Обычно притчу определяют как «эпический жанр, представляющий собой краткий назидательный рассказ в аллегорической, индифференциальной форме» [5, с. 808]; «малый повествовательный жанр, в котором абстрагированное обобщение носит назидательный характер и утверждает моральное или религиозное наставление» [3, с. 6]. К притче исследователи (Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехина [3], О. В. Гладкова [2]) относят пословицы, меткие изречения, аллегорическое объяснение какого-либо предмета, дидактико-аллегорический рассказ, басни, притчеобразные сказания и повести. Из этого многообразия разновидностей притчи становится ясно, почему процесс трансформации притчи довольно условен и может принимать самые неожиданные формы.

Притча Ариадны Борисовой занимает промежуточное положение между такими ее разновидностями, как дидактико-аллегорический рассказ и притчеобразная повесть или притчеобразное сказание. Автор сохраняет два доминирующих элемента жанрового содержания притчи – назидательность и аллегоричность, однако их качество меняется с изменением других жанровых признаков.

В отличие от традиционной притчи в «Притче о семи» развернутая повествовательность не менее важна, чем моральный смысл. Отсюда разнообразие повествовательных приемов: диалоги с характерологической речью персонажей, прямая речь и внутренняя речь, смена композиций, вклинивание в ткань текста стихотворной формы «Слово о седьмом». Названные особенности являются отходом от традиционных жанровых канонов, которые предполагают стилистическую однородность и композиционную статичность.

А. Борисова расширяет по сравнению с каноническим жанром и сюжетное пространство «своего» жанра. Основная сюжетная линия и все художественные приемы служат раскрытию концепта «семь». Автор оперирует понятиями, базовыми значениями, смысловыми колебаниями концепта «семь», которые на ассоциативном уровне актуализируют разнообразные понятия, образы, ощущения. В притче актуализируются ассоциации, идущие от внутренней формы слова «семь»: семь цветов радуги, семь нот, семь дней недели, седьмой ученик. Вербально выраженный концепт «семь» смоделирован на основе взаимодействия контекстуальных значений. Один из них связан с семью цветами радуги. Седьмой цвет – красный в картине Художника стал символом любви и счастья. Художник долгими годами рисовал серые и мрачные бездарные картины, потому что не замечал радужных сияющих влюбленных глаз, а когда наконец увидел – прозрел. «Наступало утро, и обретший краски мир, смытый недавним дождем, просыпался во всем своем цветущем великолепии. А над ним, как отражение всего прекрасного, что есть на земле, вставала торжествующая, семицветная радуга, благословляя начинающий день» [1, с. 74]. Чувственная психологическая философская природа созданного концепта порождает у читателей другие контексты.

Ярким примером жанровых модификаций является повесть-дневник И. Иннокентьева «Некто и Некий» [4]. Иван Иннокентьев пишет на русском и якутском языках, является автором шести сборников прозы и

драматургии, семи поставленных театрами пьес. «Гибкость» жанра повести, отсутствие жестких канонов и заданности мотивов расширяют ее границы, позволяют синтезировать различные жанровые черты. В данной повести жанровые модели дневниковых записей, притчи, сказки, антиутопии, мениппеи, фантастического реализма видоизменяются в процессе взаимодействия и тяготеют в своем окончательном синтетическом варианте к рождению новой жанровой формы повести. Возможность их объединения обусловлена сходством жанровой доминанты, которая характеризуется во всех названных жанрах эпическим типом художественного мышления, жанровым содержанием с общим кругом проблем.

И. Иннокентьев выбирает форму дневника, который дает возможность герою высказаться до конца, дать свою оценку происходящим противоречиям. Основой художественного мировосприятия становится в произведении антиутопизм. Это позволяет пророчить некоторые факты, свойственные, как известно, «фантастическому реализму». Авторский ассоциативный ход в повести привлек параллели и реминисценции евангельских текстов. Например, по аналогии с библейским Всемирным потопом на землю обрушивается камнепад как воздаяние за человеческие грехи. Вот что ожидает человечество в нашем случае. В повести ставится проблема будущего человечества, в иносказательном преломлении высказываются мысли о том, что все человеческие поступки рождают последствия и подвергаются всевышнему суду.

Писатель в параболической форме повествует об уродливом существовании бесправных людей, населяющих некую Республику Домдурдию (сумасшедший дом). Сатирически утрируя и доводя до абсурда, писатель выявляет отрицательные тенденции, существующие в реальной жизни. В повести изображается аномальное морально-психологическое состояние людей, погрязших в грехах.

Повесть наполнена множеством контрастов, «оксюморонных сочетаний», в чем прослеживаются черты мениппеи. Например, в уста безумного правителя Республики Домдурдии достопочтенного Карлин I вложены чудовищные парадоксы: «Жаждал человечности – возжелал человечены»; «Я желаю людям добра. Я хочу сделать всех карликами» [Там же, с. 154].

Повесть отличается изобилием мотивных связей, аллюзий, созданием ассоциативного контекста. Параллелизм образов, деталей, словесный параллелизм сближают повесть с библейскими притчевыми сказаниями. Природа притчи реализуется в повести при помощи интертекста. Автор вводит в общую ткань дневникового повествования притчи с конкретным названием: «Притча о глупости человеческой», «Притча о зле во благо», «Притча об убиении праведника», «Притча о недосказанном». В данных отрывках свойство интертекстуальности текста становится доминирующим. Каждая детализация в притче подчиняется одной общей идее – показать человеческие пороки, грехи, глупости. Стиль, тематика и структура данных отрывков повести имитируют притчи и одновременно восходят к жанру сказки. Таким образом, автор подвергает деконструкции отдельные элементы притчевого повествования, сохраняя связь с традиционной притчевой структурой текста и в то же время производя новое внутри нее.

Еще одной формой, участвующей в синтезе нового жанрового образования, становится сказка. На сказку указывают устойчивые формулы, характерные для фольклора. Например: «В далекие-предалекие времена, когда еще люди как-то умудрились жить в мире и согласии, случилась эта страшная история» или «В давние-предавние времена, когда солнце всходило на западе, а реки текли вспять, жил-был на свете один Бог» [4, с. 60]. Одной из жанровых особенностей сказки, будь то фольклорная или литературная сказка, является установка на то, что добро всегда побеждает зло. В жанровой форме сказки у И. Иннокентьева подобной установки нет.

Мотивы притчевого и сказочного начала в повести выступают в роли метатекстов (данное явление исследуется в теории интертекстуальности), источников, метатекстовых фрагментов, сопрягающих и разъясняющих сакральные смыслы текста автора. Так, например, сложность авторского видения действительности проявилась в содержании «Притчи о недосказанном», в которой даже дьявол, враг рода человеческого, взглянув в человеческое нутро, испытывает настоящий ужас: «...заглянул в черное нутро человеческое. Ложь на зависти, зависть на жадности, жадность на предательстве, предательство на подлости, подлость на похоти, похоть на тупости... Отшатнулся Сатана, омерзением объятый, от творенья Божьего. Ибо понял Он, что не его тут – Дьявола вина, и не Господа прегрешение. Сие сам Человек сумел сотворить с собой...» [Там же, с. 187]. В этом выразилась главная проблема века. Антиутопические тенденции повести показывают трагизм греховной человеческой сущности, опровергают утопические иллюзии. В обращениях к библейской тематике и библейским образам автор показал с онтологически экзистенциальным подтекстом чудовищную правду о том, насколько современное общество отошло от изначального образца, заложенного Богом.

Таким образом, отличительной особенностью данных произведений является эстетический поиск в жанровой системе, активизация разнообразных процессов: усиление взаимодействия между элементами жанровой системы, трансформация жанров, в результате чего возникают новые жанры, межродовые образования, модернизированные модификации архаических жанров, авторские жанровые формы.

Список литературы

1. **Борисова А.** Притча о семи // Манифестация вещей. Якутск: Бичик, 1994. С. 48-71.
2. **Гладкова О. В.** Житие Евстафия Плакиды и Сказание о Федоровской иконе: вопросы текстологии, поэтики и идеологии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3. С. 25-55.
3. **Древнерусская притча** / сост. Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехина. М.: Сов. Россия, 1991. 528 с.
4. **Иннокентьев И. И.** Некто и Некий. Якутск: Бичик, 1994. 300 с.
5. **Литературная энциклопедия терминов и понятий** / под ред. А. Н. Николюкиной; Институт научной информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 с.

MODIFICATIONS OF GENRE FORM OF PARABLE IN THE YAKUT RUSSIAN-LANGUAGE PROSE

Burtseva Zhanna Valer'evna, Ph. D. in Philology

*Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
gvburtseva@mail.ru*

The article examines the problem of genre modifications in modern prose, the author's original approach to the creation of non-canonic genre forms. The paper analyzes parable principle in two stories by the Yakut Russian-speaking authors, in which the process of genre-forming is based on the hybridization of traditional genre, the contamination of various genre elements.

Key words and phrases: genre forms; genre contaminations; genre modifications; genre hybridizations; parable; form and content of literary work.

УДК 81-116+81'373.42+37+367

Филологические науки

Статья посвящена выявлению коннотативных ограничений на сочетаемость в лексическом значении слова. В экспрессивных значениях коннотация может выступать ограничителем сочетаемости слов в зависимости от того, какой компонент (или какие компоненты) коннотации (экспрессивность, эмоциональность, оценочность, интенсивность, стилистическая принадлежность) актуализируется в контексте. Для обнаружения этих компонентов может быть применён коннотативно-синтагматический анализ, цель которого заключается в выявлении предписаний и ограничений на сочетаемость в экспрессивных словах.

Ключевые слова и фразы: сочетаемость; коннотация; коннотативный компонент; коннотативно-синтагматический анализ; селективный компонент; экспрессивность; эмоциональность; оценочность; интенсивность; стилистическая принадлежность.

Влавацкая Марина Витальевна, д. филол. н.

*Новосибирский государственный технический университет
vlavatskaya@list.ru*

КОННОТАТИВНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА СОЧЕТАЕМОСТЬ СЛОВ[©]

Целью данной статьи является выявление коннотативных ограничений на сочетаемость слов с применением коннотативно-синтагматического анализа – метода лингвистического исследования, который способствует обнаружению предписаний и ограничений на сочетаемость в экспрессивных словах. Суть данного анализа заключается в выявлении совместимых компонентов коннотации (экспрессивности, эмоциональности, оценочности, интенсивности, стилистической принадлежности), разрешающих и запрещающих сочетаемость данного слова с другими словами.

В лингвистической литературе отмечается, что коннотация является сложной и неоднородной сущностью: в ней заложено отношение и оценка субъектов тех или иных объектов и явлений действительности [5]. Известно, что коннотация добавляет денотату слова дополнительные семантические или стилистические элементы, которые закрепляются в сознании носителей языка. Все языковые знаки, содержащие коннотацию, создают экспрессивный контекст и придают тексту в целом субъективную модальность. С одной стороны, коннотация – это любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное) содержание языковой единицы и выполняет экспрессивную функцию. С другой, – такой компонент значения языковой единицы, который выступает во вторичной для неё функции наименования и который дополняет её объёмное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии [6].

Коннотация относится к языковым универсалиям, различные формы её проявления зависят от типа языковых знаков, которые сочетаются по правилам комбинаторики и образуют текст. Значение же зависит от типа отношения (оценочного, эмотивного, стилистического и др.) к обозначаемому предмету или явлению, а также от этнокультурного мировоззрения носителей языка, что свидетельствует об описании обозначаемого в терминах культуры. Далее следует обратиться к определениям коннотации с целью понять суть данного языкового явления.

Известный российский языковед И. А. Стернин считает, что коннотация – это дополнительная информация по отношению к понятию, часть значения слова, связанная с характеристикой ситуации общения участников акта общения к предмету речи [7].

По мнению Н. Г. Комлева [4], коннотация не выражается эксплицитно, это – семантическая модификация значения, включающая в себя совокупность семантических наслоений, чувств, представлений о знаке, лексическом понятии или о некоторых свойствах и качествах объектов, для обозначения которых употребляется данное слово-значение.

Исследователь коннотативной лексики В. И. Говердовский понимает коннотацию как совокупность содержательных компонентов значения, функционирующего в реальном речевом акте. Он считает, что «в основе